

Глава 29.

Июнь был окутан черными тучами, а июль - черными тучами, и обратный путь медленно приближался между рассветом и закатом.

Германия, Берлин, война.....

Эти знакомые и в то же время незнакомые слова, казалось, затерялись в каком-то потаенном уголке, а потом вдруг всплыли перед глазами из глубин памяти и застали врасплох.

Реальность была очень жестокой, а годы - еще более безжалостными.....

Время всегда предвещало недолговечность счастья. Оно может залечить раны в сердцах людей, но не может утешить те травмы, которые они когда-то получили. Забвение может быть временным избавлением, но его никогда нельзя отбросить.....

Неизбежно всегда будет тот единственный момент, когда мы вдруг вспомним о своем прошлом... и о себе...

Возможно, потому что это была ностальгия; возможно, потому что нам невыносимо оглядываться назад.....

Страна, где каждую зиму все небо было засыпано снегом, и холодный и незабываемый город стали тем шрамом, о котором больше всего не хочется вспоминать.

Теперь только что зажившая рана испытывала боль от того, что ее снова разрывали.

Все вокруг плыло в печали, ее невозможно остановить или сдержать...

Когда Гейн собрал все свои вещи, когда поднялся по скрипучей лестнице, когда протянул руку и открыл шкаф на втором этаже в своем кабинете, все казалось унылым.

Все перед его глазами мгновенно померкло, как снежинки, танцующие в Берлине.

Письмо.... пропало.....

Последнее письмо, оставленное ему отцом.....пропало....

Его дрожащие руки продолжали рыться в каждом уголке ящика. Результат ничего не дал, заставив его сердце бешено биться.

Невозможно, чтобы это письмо было потеряно.

Однако, кроме этого предположения, остальная часть ответа была такой, которую он не мог принять ни в коем случае.

Место, где хранилось это письмо, было... только два человека знали, один из них был он... другой - тот, кого он никогда не охранял.

Тишина распространилась по тихому коридору, скудный солнечный свет протянул тень за ним.

В комнате с пианино Альфа тихо сидел у окна, вдали был сонный покой.....

«Что...ты...там...ищешь?»

Внезапно в дверном проеме появилась фигура, без единого звука, и нарушила тишину, словно призрак. Воздух наполнился беспокойством, оно принесло с собой неуловимое чувство подавленности...

«Я... смотрю на небо..., оно очень красивое... никакой артиллерии... все гораздо яснее...»

«Да...над Берлином всегда висит слой дыма...Альфа...если ты не хочешь уезжать...мы можем остаться...по крайней мере...прямо сейчас...нет необходимости спешить уезжать.....»

«Гейн... ты можешь сказать мне.... почему....».

Хотя новость прозвучала как прекрасный подарок Альфе, холод, исходивший от холодных слов Гейна, заставил вздрогнуть. В этих нежных глазах промелькнуло еще больше упрека и сомнения.

«На самом деле... я потерял кое-что очень ценное. Это было последнее письмо, которое мой отец написал мне. Альфа, ты не знаешь, где оно. Если ты его найдешь, ты должен сказать мне, потому что я должен найти его.

«.....»

Словно разрывая шрам на его сердце, тайна, спрятанная в глубине его сердца, была внезапно откопана и обнажена.

От глаз Гейна не ускользнуло выражение паники - необратимый факт, подтверждающий жестокую догадку.

«Альфа... почему... ты... ничего... не говоришь...»

«.....Гейн....Мне жаль....»

Очень легкие слова эхом отозвались в его ушах, как пронзительный раскат грома, это было признание, признание и бесконечное раскаяние.

«Нет!!!! Я не хочу слышать, как ты просишь прощения!!! Я не хочу это слышать!!! Альфа!!! Скажи мне!!! Ты не брал письмо!!! Ты...не брал его...так?».

Услышав ответ, который он не хотел слышать, почти сломленный Гейн в одно мгновение упал на колени. Его лицо покрылось глубокой и меланхоличной печалью. Волна за волной, подобно поднимающемуся морскому приливу, ревела и топила все.....

«Как ты можешь говорить такие жестокие слова!!! Альфа!!! Даже если ты лжешь мне, это тоже нормально!!! Как ты можешь говорить мне такую жестокую правду!!! Что ты хочешь, чтобы я сделал?!!! Как я могу принять этот факт!!!».

Наконец, стало ясно, что содержимое письма уже давно использовано, и что потеря Нормандии произошла не по приказу отца, а... потому что... информация... в его руках... была небрежно просмотрена.....

Он не мог простить свою ошибку, но еще больше он не мог простить то, что предателем... на самом деле был тот, кого он глубоко любил до смерти.

Он отдал все ради него, и он... все же забрал его единственную семью.

Такая травма была самой болезненной.....

Он смотрел на уязвимого человека, который был в полном беспорядке перед ним, слезы постепенно затуманивали его глаза. Он не знал, что сказать, потому что никакие слова не могли утешить его израненное сердце в этот момент.

Он мог только молчать, молча слушать и молча винить себя.

Слезы, капля за каплей по его щеке... падали на землю... рассыпались на кусочки и осколки.....

В его груди.... казалось... что-то.... сломалось.....

<http://bllate.org/book/14194/1251081>